

УДК 811.161.1

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЧЕРТ ЭПОХИ 30-40 ГГ. XX ВЕКА В ЖАРГОНЕ ДЕТДОМОВЦЕВ В ПРОЗЕ Э. КОЧЕРГИНА

© Елена Карташова, Елена Тонкова

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE 1930-40s, REFLECTED IN THE ORPHANAGE JARGON (BASED ON E. KOCHERGIN'S PROSE)

Elena Kartashova, Elena Tonkova

This article analyzes the slang of children from Soviet orphanages in E. Kochergin's prose. Previously, this sociolect has not been studied by linguists. Vivid imagery and the ability to accurately reflect the realities of life distinguish it from the literary standard. In E. Kochergin's prose, non-literary words are used to describe sad life experiences of children deprived of parental love. According to the authors of the article, the orphanage jargon of 1930-40s is a kind of successor to the argot of the homeless children in the 1920s. In particular, both social dialects contain a large number of criminal slangy names. The authors of the article consider that the analyzed jargon words enable modern researchers to recreate the real picture of the life of the Soviet society in 1930-40s. Slangy names characterize the Soviet social system in a special way and perform an important aesthetic function in Kochergin's autobiographical novel. The method of linguistic observation and description are used to study the specifics of jargon words. The features of the semantics of slangy words are revealed by a context analysis. The research results identify functional and semantic characteristics of the substandard words. Some of them have an original form and character and are not recorded in special dictionaries of the Russian jargon. The article can be useful for sociolinguists and cultural linguists, who study the Russian language and different sociocultural epochs.

Keywords: jargon, literary (standard) language, argot, social dialects, non-standard words.

В статье анализируется жаргон советских детдомовцев, репрезентированный в прозе Э. Кочергина. Ранее этот социолект не изучался лингвистами. Яркая образность и способность максимально точно отражать жизненные реалии являются специфическими чертами жаргонизмов, отличающими их от слов литературного языка. В книге Э. Кочергина «Крещенные крестами: Записки на коленках» нелитературные лексемы описывают печальный быт детей «врагов народа», насильно лишенных родителей. По мнению авторов статьи, жаргон детдомовцев является своеобразным преемником арго беспризорников 20-х годов. В частности, данные социальные диалекты схожи в том, что содержат многие элементы воровского языка. Авторы полагают, что анализируемые жаргонизмы могут помочь современным исследователям воссоздать целостную картину жизни советского общества 1930-40-х гг., так как субстандартные лексемы специфически характеризуют советскую социальную систему. Кроме того, эти слова играют важную эстетическую роль в автобиографическом романе Э. Кочергина. В результате исследования был проведён функциональный анализ жаргона детдомовцев, выявлены его семантические особенности. В ходе анализа обнаружены оригинальные лексические единицы, не зафиксированные в толковых словарях русского жаргона. Статья может быть полезна для социолингвистов и культурологов, изучающих лексику ограниченного употребления различных эпох.

Ключевые слова: жаргон, литературный (стандартный) язык, арго, социальные диалекты, субстандартная лексика.

С конца 1990-х годов интерес исследователей стабильно вызывают социальные диалекты русского языка, среди них особенно часто в поле зрения лингвистов оказываются арго и жаргоны. Это связано с тем, что данные некодифицированные подсистемы оказывают заметное влияние на современный русский язык [Карташова, Иерусалимская, с. 92–93]. Арготизмы и жаргониз-

мы разными путями пытаются проникнуть в языковой стандарт. Они попадают в публичную речь, публицистику, язык СМИ и литературы посредством общего жаргона, просторечия, устно-разговорной разновидности стандарта и пр. Например, на страницах газет можно встретить такие заголовки: «Наприкальвался» на срок [Марийская правда, 2011, № 105] (мол. жарг. прика-

лываться – ‘шутить’); *Малява на зону с Айфона* [Росс. газета, 2013, № 61] (арг. малява – ‘письмо’); *Господин «Откат»* [Росс. газета, 2013, № 121] (крим. жарг. откат – ‘материальные средства, которые бизнесмены и иные состоятельные люди добровольно платят тем, кто оказывает им нелегальное покровительство’). Подобные отрицательно-оценочные, стилистически окрашенные лексемы зачастую прочно входят в речевой обиход носителей русского языка и начинают восприниматься как вполне обычные, общенародные. Однако многие ученые склонны относиться к таким словам критически, справедливо полагая, что своей циничностью и негативной образностью они способны разрушать традиционные нормы литературной речи [Тонкова, с. 106].

В то же время нельзя отрицать тот факт, что в языке художественной литературы жаргонная лексика способна играть особую роль, не только экспрессивно-оценочную. Она помогает создавать более точный, достоверный портрет персонажей, реалистически изображает быт асоциальных элементов и различного рода маргиналов, в ряде случаев может служить средством создания комического эффекта.

Объектом нашего исследования является жаргон детдомовцев, репрезентированный в произведении Э. Кочергина «Крещенные крестами: Записки на коленках». Эта книга выиграла «Нацбест-2010», получив очень хорошие отзывы литературных критиков. Однако жанр «Крещенных крестами» не определен до сих пор. Его называют автобиографией, мемуарной книгой, документальным романом, романом-путешествием, романом и т. д. [Левенталь, с. 279–280]. В автобиографической прозе Э. Кочергина описывается эпоха 30-40 годов XX века – тяжелого, трагического времени в истории СССР. Все события, происходящие в стране, отражаются через призму восприятия главного героя, мальчика из Ленинграда, наполовину русского, наполовину поляка, упорно сбегающего из детских приёмников с целью вернуться в родной город и разыскать свою репрессированную мать. Отца мальчик никогда не видел, так как тот был арестован «за кибернетику» ещё до рождения сына.

Необходимо отметить, что жаргон детдомовцев 30-40 годов XX века как особый социолект ранее не исследовался. Можно предположить, что он является своеобразным преемником аргоса беспризорников. Считается, что эта субстандартная языковая подсистема, впитавшая в себя многие элементы воровского аргоса и бывшая довольно активной в 20-е годы, позднее угасла, так как не имела достаточного и устойчивого контингента носителей [Крысин, с. 3]. Однако многие бес-

призорники, оставшиеся без родителей в годы февральской и октябрьской революций и гражданской войны, в результате планомерной работы представителей советской власти оказались в детских домах. Безусловно, они привнесли в новый быт прежние коммуникативные привычки и продолжили активно пользоваться специфическими языковыми средствами. Например, лексические единицы из аргоса беспризорников ярко характеризуют речь отдельных персонажей в таких произведениях, как «Республика ШКИД» Г. Белых и А. Пантелеева, «Странники» В. Шишкова. Таким образом, аргос беспризорников всё-таки не утратило своей социальной базы и частично трансформировалось в жаргон детдомовцев.

Отметим, что жаргон детдомовцев 30-40 годов, судя по повествованию Э. Кочергина, также изобилует элементами из криминального аргоса. Главный герой произведения и его товарищи активно используют в своём лексиконе такие слова, как *пахан* – ‘главарь преступной группировки’, *кодла* – ‘сплоченная воровская группа’, *пайка* – ‘определенная норма продуктов питания, положенная по закону на одного заключенного в местах лишения свободы’, *кликуха* – ‘кликча, прозвище’, *шестерить* – ‘прислуживать’, *шмонная* – ‘комната для досмотров’, *стибрить* – ‘украсть’, *заныкать* – ‘спрятать’ и т. п. Само название книги «Крещенные крестами» представляет собой, как указано в предисловии, старинное выражение сидельцев знаменитых русских тюрем-крестов, некогда бывшее паролем воров в законе. В сталинские годы «крещеными крестами» по неволе стали и политические заключенные, оказавшиеся соседями уголовников.

На наш взгляд, автор включает подобные слова в текст произведения неслучайно. Во-первых, они указывают на «тюремность» детдомовского быта, несправедливость содержащихся в детприемниках детей и жестокое отношение к ним как к детям «врагов народа»:

Жили мы проживали в казённом доме, как говорили в народе, зато в тепле и под крышей крепкого четырёхэтажного кирпичного здания – правда бывшей пересылочной тюрьмы, ставшей тесной для взрослого люда и отданной под детприемник. В народе заведение стало обзывать «детскими крестами» [Кочергин, с. 31].

Во-вторых, единицы типа *выдра* – ‘поездной ключ-отмычка’, *скачок* – ‘вор-взломщик’, *вексель* – ‘документы’, *бан* – ‘вокзал’, *угол* – ‘чемодан’ являют собой реалии преступной среды, в которой не раз оказывался главный герой во время своего многолетнего пути в Ленинград: *Трижды пришлось мне встречать в промысел скачков в*

качестве резины-форточёнка или «крана» – по-моганца-гаврика в разных местах эсэсэсэрии по моему кривому маршруту на родину [Кочергин, с. 167–168]. Особо следует отметить синонимический ряд *легавый, лагаиш, мент, мухомор, черномалинник, чернопогонник, фараон*, называющий милиционеров, который выражает резко негативное отношение детприемовцев к сотрудникам органов правопорядка.

В целом жаргонная лексика детдомовцев отрицательно характеризует многие социальные явления окружающей их действительности. Так, крайне негативно детприемши были настроены по отношению к большинству своих воспитателей, коих на жаргоне называли *воспиталы*: *Поездом нас довели до Куйбышева, там сдали в детприемник НКВД. В нем местные воспиталы отняли крестик, последнее, что оставалось у меня от моей матки Брони* [Кочергин, с. 30]. Воспитателей также именуют словами, имеющими ненормативные, просторечные корни: *попердяй, пердила, саловон*. Обязанности воспитателей отражены в словах *топила* – ‘истопник’, *гасила* – ‘тот, кто выключает вечером свет в спальнях’, *возила* – ‘водитель’, *помоганец, помогашник* и женский эквивалент *помоганка* – ‘помощник, помощница директора или воспитателя’.

Без должного пиетета, с изрядной долей иронии, детдомовцы (они же дети «врагов народа», что приравнивалось к слову «преступники») относились к советским партийным вождям: В. И. Ленина называли *Лыска* (по-видимому, слово образовано от прилагательного *лысый*), его гипсовый бюст в окружении цветочных горшков тайно (*втихаря*) именовали «*Лыска в саду*», этот же бюст, покрашенный бронзовой краской, переименовали в «*Бронзовик на отдыхе*». В результате метонимии номинациями И. В. Сталина становятся слова *Усатый, Ус*. Картину «Молодой вождь среди бакинских рабочих» детдомовцы называли «*Сходка блатных*», или «*Откачка прав*». В свою очередь, Ф. Э. Дзержинского, чей портрет висел в актовом зале, называли по имени *Феликс* или оценочным словом *козлотородый* (перенос наименования по внешнему сходству, ср: *козлиная борода*).

Себя детдомовцы называли *дэпэшниками* (от аббревиатуры ДП – детский приемник). Внутри детприемника существовала строгая иерархия воспитанников: старшие ребята именовали себя *пацанами*, следующие старшие назывались *шкетами*, дошкольники от 6 до 8 лет «обзывались» *козявками, козявами*, дети младше шести лет получили название *колуны* (они же *мальки-зародыши*). Главный герой произведения в начале своей

детдомовской жизни побывал и *колупой*, и *козявой*, поэтому какое-то время проживал в *козявной* палате. Следует отметить, что слова *пацаны, шкеты, козявки* зафиксированы в толковых словарях русского жаргона, а *колуны* и *козявы* являются оригинальными образованиями и до сих пор не включены в словари субстандартной лексики. Слово *залетка* обозначало воспитанника, переведённого из чужого детприемника (от слова *залетный* – ‘чужой, не наш’).

Реалии детдомовского быта представлены в жаргоне скудно, так как и сама жизнь детприемшей не отличалась разнообразием. Столовая называлась *столовка, хавалка* (образовано от жарг. глагола *хавать* – ‘есть’), *хряпалка* (от жарг. глагола *хряпать* – ‘есть’), где воспитанники, соответственно, не ели, а *хряпали, шамали, хавали*. Еда именовалась омонимичной лексемой *хряпалка*, порция еды – *пайка* (на «блатной» манер). Очень вкусная еда, лакомство получило название *цаца*. Форменную одежду называли *казёнка* (универбат словосочетания *казенная одежда*). Лечили детдомовцев в медчасти, которую они сами называли *мралка, капутка*. Этимология оригинального, ранее не фиксировавшегося жаргонизма *мралка* в книге не раскрывается, но можно предположить, что она восходит к словам *мрак, мрачный*. Слово *капутка* также оригинально, оно образовано от известного германизма *капут*, обозначающего безнадежную, проигрышную ситуацию, гибель. В этих словах выражается отношение дэпэшников как к медицинским работникам, так и к самому лечению. Детдомовцы во многом справедливо считали, что в санчасти их могут залечить до смерти.

Любое ремесло на жаргоне называлось *ремеслуха*. Если воспитанник был хулиганом и не соблюдал правила детдомовского режима, он мог отправиться в *колонтай* – ‘колонию’ (не зафиксированный в современных словарях жаргонизм). У воспитанников и воспитателей обязательно были *кликухи*, по-другому – *обзовухи* (также не репрезентированный в словарях жаргонизм). Главный герой произведения носил обзовуху *Тень*, потому что был незаметным и имел субтильную от постоянного недоедания фигуру. Так как мальчик в раннем детстве говорил только по-польски, он долгое время стеснялся общаться со сверстниками на русском языке и просто молчал. На языке детдомовцев его поведение характеризовалось словосочетанием *косить под Му-му*.

В детприемниках строго запрещалось играть в карты, но воспитанники нарушали правила. Главный герой успешно изготавливал цветные игральные карты, которые на жаргоне называ-

лись *цветухи*, и продавал их. Игрушек в детдомах не было. Детприемши сами изготавливали их из всего, что подворачивалось под руку. Так, детдомовцы особенно любили играть в *маялку*. В тексте книги Э. Кочергин объясняет, что *маялка* – это кусочек козьей шкуры диаметром 5-6 см., зажатый между свинцовыми или медными дисками так, чтобы мех торчал по краям. Играли в маялку, подбрасывая её ногой на счет. Можно предположить, что данный жаргонизм образован от просторечного глагола *маяться* – ‘томиться, изнывать’. По-другому маялку называли *бебешкой* (по-видимому, это слово образовано от звукоподражания *бебе*, обозначающего бляенье козы). За неподчинение старшим воспитанникам малышей ждали такие наказания, как *точка* (удар по голове), *велосипедик* (поджог пальцев ноги во сне), *мокруха* (мокрая постель), *голяк* (оставление без одежды).

Таким образом, жаргонная лексика используется в прозе Э. Кочергина как средство усиления экспрессии, позволяющее автору передать суровую и не всегда приглядную правду жизни. Все субстандартные единицы в авторском тексте иллюстрируют своеобразие социокультурной действительности 1930-40 годов и носят знаковый характер. Они без прикрас воссоздают атмосферу времён сталинских репрессий, Великой Отечественной войны и послевоенной эпохи. Вся огромная страна, которую автор называет *эсэсэ-сэрией*, испытывала тяготы и лишения, существовала в гнетущей атмосфере страха и в то же время оптимистично верила в будущее. Дети «врагов народа» не по своей воле оказались в детприемниках и детдомах: они были насильно лишены родителей и нормального детства. Это не могло не повлиять на их мировоззрение, и, конечно, все происходившее отражалось в их речи. Но и эти маленькие жители СССР верили в лучшее и старались справляться со всеми трудностями.

Роль субстандартной лексики в художественной литературе до сих пор не всегда адекватно оценивается в научных работах, хотя творчество современных авторов очень часто отличается повышенным и – отметим – обоснованным интересом к «низовым» пластам лексики. Жаргонизмы принято рассматривать как «сорные» слова, отрицательно влияющие на традиционное, нормативное словоупотребление. Но это не всегда соответствует истине. Так, исследование жаргонизмов в прозе Э. Кочергина позволяет не только обнаружить интересные, эстетически оправданные примеры употребления сниженных слов в художественном тексте, но и охарактеризовать с

их помощью наиболее значимые социокультурные черты сложной, до сих пор вызывающей противоречивые оценки эпохи 30-40 годов XX века. В свою очередь, ранее не изученные и не описанные детдомовские социолектизмы, бережно хранимые в памяти Э. Кочергиным, обязательно должны быть включены в специализированные толковые словари русского арго как важное документальное свидетельство своего времени.

Список литературы

Карташова Е. П., Иерусалимская А. А. Интернет-коммуникация: стилистико-языковой аспект // Карташова Е. П., Иерусалимская А. А., Михеев А. А. Интернет-коммуникация: стилистико-языковой аспект. Коллективная монография. Йошкар-Ола: Типография Правительства Республики Марий Эл, 2014. С. 92–93.

Кочергин Э. Крещенные крестами: Записки на коленках. СПб.: Вита Нова, 2013. 272 с.

Крысин Л. П. О лексике русского языка наших дней // Русский язык в школе и дома. 2002. № 1. С. 3–7.

Левенталь В. Морфология «Крещенных крестами» // Кочергин Э. Крещенные крестами: Записки на коленках. СПб.: Вита Нова, 2013. С. 279–283.

Тонкова Е. Г. О влиянии речевого субстандарта на современный русский литературный язык // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3. С. 106–108.

References

Kartashova, E. P., Ierusalimskaya, A. A. (2014). *Internet-kommunikatsiia: stilistiko-iazykovoi aspekt* [Internet-Communication: Stylistic and Linguistic Aspects]. Kartashova E.P., Ierusalimskaya A.A., Mikheev A.A. Internet-kommunikatsiia: stilistiko-iazykovoi aspect. Collective Monograph]. Pp. 92–93. Yoshkar-Ola, Publishing house of the Government of the Republic of Mari El. (In Russian)

Kochergin, E. *Kreshchennye krestami: Zapiski na kolenkakh* [Baptized by Crosses: Notes on the Knees]. 272 p. St. Petersburg, Vita Nova. (In Russian)

Krysin, L. P. (2002). *O leksike russkogo iazyka nashikh dnei* [On the Vocabulary of the Russian Language Today]. *Russkiy iazyk w shkole i doma* [Russian language in school and at home], No.1, pp. 3–7. (In Russian)

Levental, V. (2013). *Morfologiia «Kreshchennykh krestami»* [The Morphology of “Baptized by Crosses”]. Kochergin, E. *Kreshchennye krestami: Zapiski na kolenkakh* [Baptized by Crosses: Notes on the Knees]. Pp. 279–283. St. Petersburg, Vita Nova. (In Russian)

Tonkova, E. G. (2014). *O vliianii rechevogo substandarta na sovremennyi russkii iazyk* [About Influence of Speech Substandard on Modern Literary Russian Language]. *Vestnik of the Mari State University*, No. 3 (15), pp. 106–108. (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2016
Поступила в редакцию 12.05.2016

Карташова Елена Павловна,
доктор филологических наук,
профессор,
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
424000, Россия, Йошкар-Ола,
Пушкина, 30
elena.karta77@mail.ru

Тонкова Елена Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
424000, Россия, Йошкар-Ола,
Пушкина, 30
eltonkova@yandex.ru

Kartashova Elena Pavlovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Mari State University,

30 Pushkin Str.,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
elena.karta77@mail.ru

Tonkova Elena Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Mari State University,

30 Pushkin Str.,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
eltonkova@yandex.ru